

шаль вниманія на маленькую дѣвочку въ черномъ платьѣ съ блѣдными щеками и тусклыми глазами, которая не отвѣчала, когда къ ней обращались съ вопросомъ.

«И потомъ, точно для того, чтобы усилить ея несчастье, она стала хорошеѣть. Юность ея прошла еще печальнѣе. Она жила у старой родственницы, которая пріютила ее изъ состраданія; но никогда никто не видѣлъ ее въ обществѣ подругъ ея возраста. Единственной радостью ея было ходить сюда, въ храмъ, ибо она была набожна. Церковные праздники были ея праздниками; другихъ она не знала. Съ нетерпѣніемъ ждала она ихъ: Пасхи съ ея увитымъ цвѣтами алтаремъ; Рождества съ его полуночнымъ служеніемъ; Вознесенія, съ длинными процессіями, которыя проходятъ разукрашенныя улицы, съ развѣвающимися флагами, съ дорогами, усыпанными розами, съ дѣвушками въ бѣлыхъ платьяхъ. Это былъ ея настоящій праздникъ, ибо въ этотъ день и она одѣвалась въ бѣлое платье съ длиннымъ покрываломъ, которое всякій годъ сама приготовляла къ этому единственному дню, когда она, опустивъ глаза къ молитвеннику, проходила чрезъ толпу и становилась молча межъ своихъ подругъ, голоса которыхъ оглашали храмъ звуками священныхъ напѣвовъ. Часто на этомъ торжествѣ ей, между прочимъ, приходилось слышать такія любезности, отъ которыхъ сжималась ея грудь. И часто на другой день глаза ея были заплаканы.